

А. Игнатъев

Музей истории г. Боровичи и Боровичского края

Стихотворение М. Кузмина «Мои предки» (1907): реконструкция родословной

В статье рассматривается стихотворение Кузмина «Мои предки» на предмет соответствия реальной родословной поэта. Известно, что в своем «Дневнике» Кузмин неоднократно обращался к своей семейной истории, и его воспоминания, и записи со слов матери можно считать основным источником, который художественно претворен стихотворением «Мои предки» (май 1907) Оно было написано накануне отъезда поэта из Петербурга на станцию Окуловка Крестецкого уезда Новгородской губернии (впервые упоминается в дневниковой записи от 17 мая). И сам факт его написания, вероятно, связан с мыслями о предстоящей поездке к родным: в поселке Парахино, рядом с железнодорожной станцией, поселилась его сестра Варвара Алексеевна со своим мужем П. С. Мошковым и детьми. Нельзя исключать возможности, что в Окуловке Кузмин мог дорабатывать текст стихотворения, которым откроется его первая поэтическая книга «Сети» (1907). Приведу его полностью:

Моряки старинных фамилий,
влюбленные в далекие горизонты,
пьющие вино в темных портах,
обнимающая веселых иностранок;
франты тридцатых годов,
подражающие д'Орсе и Брюммелю,
внося в позу денди
всю наивность молодой расы;
важные, со звездами, генералы,
бывшие милыми повесами когда-то,

сохраняющие веселые рассказы за ромом,
всегда одни и те же;
милые актеры без большого таланта,
принесшие школу чужой земли,
играющие в России «Магомета»
и умирающие с невинным вольтерьянством;
вы — барышни в бандо,
с чувством играющие вальсы Маркалью,
вышивающие бисером кошельки
для женихов в далеких походах,
говеющие в домовых церквах
и гадающие на картах;
экономные, умные помещицы,
хвастающие своими запасами,
умеющие простить и оборвать
и близко подойти к человеку,
насмешливые и набожные,
встающие раньше зари зимою;
и прелестно-глупые цветы театральных училищ,
преданные с детства искусству танцев,
нежно развратные,
чисто порочные,
разоряющие мужа на платья
и выдающие своих детей полчаса в сутки;
и дальше, вдали — дворяне глухих уездов,
какие-нибудь строгие бояре,
бежавшие от революции французы,
не сумевшие взойти на гильотину —
все вы, все вы —
вы молчали ваш долгий век,
и вот вы кричите сотнями голосов,
погибшие, но живые,
во мне: последнем, бедном,
но имеющем язык за вас,
и каждая капля крови
близка вам, слышит вас,
любит вас;
и вот все вы:
милые, глупые, трогательные, близкие,
благословляйтесь мною
за ваше молчаливое благословенье.¹

Для того, чтобы составить комментарий к этому стихотворению, представляющему собою сжатую родословную поэта (что предсто-

ит еще доказать), обратимся к «Дневнику», точнее, к своеобразному вступлению, которое Кузьмин намеревался предпослать всему дневнику, и которое вбирало в себя хронологически эпоху от рождения автора до 1904 года, имеющему название «Histoire édifiante des mes commencements» («Поучительная история моих начинаний»). Итак, в ноябрьских записях 1906 года в дневнике Кузьмина появилась короткая автобиография под французским названием, данным, очевидно, не без оглядки на XVIII век. Вот ее начало: «Я родился 6 октября 1875 года в Ярославле и был предпоследним сыном большого семейства. Моему отцу при моем рождении было 60 лет, матери — 40. Моя бабушка со стороны матери была француженка по фамилии Mongeaultier и внучка французского актера при Екатерине — Офрена. Остальные — все были русские, из Ярославской и Вологодской губерний». И далее: «Отца я помню в детстве совсем стариком, и в городе все его принимали за моего деда, но не отца. В молодости он был очень красив красотою южного и западного человека, был моряком, потом служил по выборам, вел, говорят, бурную жизнь и к старости был человек с капризным, избалованным, тяжелым и деспотическим нравом».²

Все биографы поэта не могут обойти вниманием тот факт, что Алексей Алексеевич Кузьмин родился в начале 1812 года и действительно был старше своего знаменитого сына на целых 60 лет. Конечно, ни у кого не возникает сомнений, что именно ему посвящены первые строки стихотворения «Мои предки»:

1)
Моряки старинных фамилий,
влюбленные в далекие горизонты,
пьющие вино в темных портах,
обнимая веселых иностранок...

Уточним, что Алексей Алексеевич был все же не моряком, т. е. матросом, а морским офицером, который до тридцати лет служил во флоте и вышел в отставку в звании капитан-лейтенанта. В Общем морском списке, изданном в конце XIX века под редакцией Ф. Ф. Веселаго, есть его краткий послужной список:

Кузьмин, Алексей Алексеевич
1825 г. июня 6. Произведен из кадет морского корпуса в гардемарины.

- 1827 г. На корабле Эммануил плавал от Кронштадта до Портсмута и обратно.
1828 г. апреля 25. Произведен в мичмана, с назначением в черноморский флот.
1828–1830 гг. На бриге Менгрелия и транспортах Чайка и Редут плавал по черноморским портам.
1831 г. На бриге Меркурий крейсеровал в Черном море.
1832 г. Командуя иолом № 3, занимал брантвахтенный пост у речки Вепаты.
1833 г. Командуя иолом № 10, занимал брантвахтенный пост у Песчаного острова.
1834 г. апреля 22. Произведен в лейтенанты и переведен из черноморского в балтийский флот.
1835 и 1836 гг. На корабле Императрица Александра плавал в Финском заливе и Балтийском море.
1837 и 1838 гг. Командуя бригом Охта, находился при описи и промере в финляндских шхерах.
1839 г. На корабле Императрица Александра плавал в Балтийском море.
1842 г. марта 25. Уволен от службы чином капитан-лейтенанта.³

Итак, по Морскому ведомству отец поэта служил семнадцать лет, и затем, около сорока лет, почти до самой своей смерти в 1885 году — по Министерству юстиции и вышел в отставку с чином действительного статского советника, что соответствует генерал-майору и 4 классу табели о рангах.

Если первая строфа стихотворения «Мои предки» ни у кого не вызывает вопросов относительно того, кого называет Кузмин «моряками старинных фамилий», то вторая строфа требует специального погружения в родословную, чтобы хоть как-то, пусть гадательно, но решить эту задачу:

2)
франты тридцатых годов,
подражающие д'Орсе и Брюммелю,
внося в позу денди
всю наивность молодой расы...

Пока мы еще мало знакомы с родословной поэта, чтобы отвечать на этот непростой вопрос. Поэтому немного повременим с ответом и сразу перейдем к третьей строфе, в которой речь снова пойдет о родственниках по линии отца:

3)
важные, со звездами, генералы,
бывшие милыми повесами когда-то,

сохраняющие веселые рассказы за ромом,
всегда одни и те же...

Как и в случае с «моряками», в роду Кузминых был только один генерал, точнее генерал-лейтенант, а именно: Павел Алексеевич Кузмин — младший брат Алексея Алексеевича (был еще старший брат Аполлон, р. 1808). Его биография кратко изложена в одном из номеров журнала «Русская Старина», где были опубликованы его воспоминания о процессе над петрашевцами, написанные им в 1874 году и увидевшие свет только спустя 20 лет. Дело в том, что и Павел Алексеевич, и отец поэта посещали собрания у М. В. Буташевича-Петрашевского, и в апреле 1849 года, как многие другие участники общества (в том числе Ф. М. Достоевский) — были арестованы и помещены в Петропавловскую крепость. Известно, что Алексей Алексеевич вернулся домой через месяц, а Павел Алексеевич провел в заключении целых полгода. Строка из стихотворения «Мои предки» о милых повесах, вероятно, является штрихом к портретам дяди и отца (ведь Алексей Кузмин тоже по табели о рангах — генерал) именно этого «смутного» периода их жизни. Воспоминания генерала Кузмина предваряет краткое жизнеописание:

Покойный генерал П. А. Кузмин родился в Ярославской губ., в селе Мытникове, 20 января 1819 г. Окончив курс Павловского кадетского корпуса в 1838 году, он выпущен в офицеры в конно-артиллерийскую легкую № 6, батарею. Прослужив до 1844 года, он, по домашним обстоятельствам, вышел в отставку и занимался сельским хозяйством в имении своей матери. В августе 1845 года вновь вступил на службу в драгунский принца Александра Нидерландского полк с целью поступить в императорскую военную академию (ныне академия генерального штаба), в которой кончил курс 20 января 1848 года с зачислением по генеральному штабу, так что возбуждение преследования против Петрашевского застает Кузмина уже в чине штабс-капитана генерального штаба.

Шестимесячное содержание в крепости и привлечение к делу, как это видно из воспоминаний генерал-лейтенанта П. А. Кузмина, не повлияли на его служебную карьеру, благодаря его открытому, вполне откровенному и честному образу действий при допросах его следственной комиссией. Исполняя различные должности по генеральному штабу и, в числе прочих, начальника штаба 2-й легкой кавалерийской дивизии, уже в чине генерал-майора, он слушал лекции в военно-юридической академии в 1869 году и в следующем,

1870 году, как окончивший курс военно-юридической академии, назначен военным судьей петербургского военно-окружного суда, затем председателем оренбургского военно-окружного суда 1-го января 1878 года, оттуда переведен председателем киевского военно-окружного суда 13 мая 1881 г., где и прослужил до дня своей кончины, 26 ноября 1885 г.⁴

Итак, в 1870-х гг. генерал-лейтенант находился в Санкт-Петербурге, с 1878 г. — в Оренбурге, и с 1881 года до смерти — в Киеве. Поэтому его знаменитый племянник, который раннее детство провел в Саратове, мог знать о нем только по рассказам, фотографиям или по воспоминаниям, опубликованным в «Русской Старине».

Замечательно, что в характеристику своего предка Кузмин добавил одну деталь, которую можно приписать обоим братьям: «Важные, со звездами, генералы...» И в биографии П. А. Кузмина читаем: «За отличие по службе генерал неоднократно удостоивался высших наград (произведен в чин генерал-лейтенанта 30 августа 1881 года, а в 1884 году, того же 30 августа, получил орден Владимира 2-й степени) и имел пряжку за беспорочную службу за XL лет».⁵ На сохранившейся фотографии генерала Кузмина мы, среди прочих наград, видим орден Владимира 2-й степени, в форме звезды. Действительно, орден Св. Владимира этого достоинства (всего было 4 степени) представлял собою звезду на левой стороне груди и большой крест на шейной ленте. Кавалер этого ордена получал в придачу надбавку в 300 рублей к ежегодной пенсии. Такими наградами отмечались чиновники и военные не ниже 4-го класса по табели о рангах, то есть генерал-майоры, действительные статские советники и те, что выше. Отметим, что и отец поэта имел высокую награду — орден Св. Анны 2 степени (что известно из исследования Е. В. Евдокимова о раннем детстве Кузмина и его родных со стороны отца).⁶

Следующая строфа связана с далеким предком поэта по линии матери, французским актером Жаном Ривалем, оставшимся в истории театра под псевдонимом Офрениа:

4)
милые актеры без большого таланта,
принесшие школу чужой земли,
играющие в России «Магомета»
и умирающие с невинным вольтерьянством...

Вот что известно о нем из «Дневника» 1934 года: «*О предках*. Был французский трагик Офрен (кажется, писался Hauffrin), о нем есть в переписке Вольтера с Фридрихом. Он был при дворе Фридриха и дальше при Екатерине». ⁷ Согласитесь, как-то уж очень небрежно и мало пишет Кузмин о своем прапрадеде, который был знаком с великим просветителем Вольтером, играл в знаменитом французском театре «Комеди Франсез», откуда перешел сначала в придворный театр прусского короля Фридриха II Великого, а затем и в Эрмитажный театр Екатерины II Великой, и которому посвящена отдельная статья в словаре Брокгауза-Ефрона:

Офрен (Jean-Aufresne-Rival) — знаменитый франц. актер (1720—1806). Сын женева часовщика, О. готовился в адвокаты. Превосходным чтением Лафонтеновых басен О. пленил Вольтера и в Фернее познакомился с Лекеном, по рекомендации которого был принят в Comédie-Francaise. Прославила его естественная дикция, что в его время казалось большой смелостью. И. А. Дмитриевский, посланный для вербовки французской труппы, пригласил (1785) Офрена в СПб., где он и скончался. Амплуа О.: цари — в трагедии, благородные отцы — в комедии. В СПб. шляхетном сухопутном кадетском корпусе О. преподавал декламацию и под его руководством разыгрывались франц. трагедии, в которых нередко сам участвовал вместе с дочерью своей Юльяной. Екатерина II высоко ставила дарование О. ⁸

Замечательно, что имя Офрена несколько раз повторяется и в воспоминаниях Степана Петровича Жихарева (1788—1860), известного литератора николаевской эпохи. Старший современник А. С. Пушкина, Жихарев был известен как театрал и переводчик драматических произведений. Кроме того, он состоял в известном литературном обществе «Арзамас» (помимо него в этом обществе числились поэты В. Жуковский, К. Батюшков, кн. П. Вяземский, Д. Давыдов, дядя и племянник Пушкины и некоторые другие). Как и многие члены этого общества, С. П. Жихарев находился на государственной службе, где дослужился до чина тайного советника (а в 1840-м году к его титулам добавилась должность «сенатор»). Одно из его творений, вошедшее в историю русской литературы — «Воспоминания старого театрала», где и встречаем имя знаменитого французского пращура Кузмина. Приведу несколько выдержек из записок Жихарева, которые позволяют нам увидеть этого полумифического предка поэта в новом, более приближенном, ракурсе:

О некоторых тогдашних французских актерах относился он с восторгом. «Вот, — говорит, — например, хоть Флоридор, подлинно было кого послушать и посмотреть в «Магомете» или «Танкреде». На сцене красавец, голос звучный, поступь благородная: что слово скажет — как рублем подарит; или Офрен, кажется, сам по себе и невзрачен, а уж что за актер! Когда бывало играет Зопира, Аржира или Августа — так все навзрыд и плачут. Я, грешный человек, по-французски худо маракую, но, стоя за кулисами, от Офрена всегда приходил в душевное волнение и даже плакал. А уж какие благородные люди!»⁹

Из числа великих актеров английских и французских немного было таких, которые приняли бы на себя труд образовать других подобных им великих актеров. ...Офрен, окончивший театральное свое поприще на петербургской придворной сцене, давал советы только Делињи, наследовавшему его дикцию и занявшему на той же сцене его амплуа...¹⁰

В трагедии первенствует Яковлев, и это Шушерину не по вкусу; однако ж Бризар, Офрен, Монвель и другие были актеры не хуже Шушерина, а между тем играли роль Зопира, когда Лекен удивлял игрою своею в роли Магомета¹¹

...и с тех пор все актеры, игравшие роль Митридата — Офрен, Монвель, Сен-При и даже толстый хрипун, но увлекательный Делињи, стали подражать Бризару.¹²

Вышеприведенные «Записки» Жихарева были изданы в серии «Литературные памятники», и как всегда бывает в таких изданиях, сопровождаются комментариями и статьями. Приведу небольшой фрагмент из статьи Б. М. Эйхенбаума: «Офрен, умерший в 1804 г., 76-летним стариком, возглавлял французскую труппу, игравшую в придворном Эрмитажном театре: “Являясь воинствующим новатором, отличавшимся большой простотой и естественностью своей игры, в особенности мастерством нюансировки, Офрен не смог удержаться в театре “Французская комедия” вследствие консерватизма труппы “королевских” актеров и должен был уехать за границу, найдя еще с 1771 года применение своим силам в России” (“Очерки” С. Данилова. С. 88) Шаховской брал одно время уроки у Офрена. Таким образом, в Петербурге французские театральные традиции были давними и крепкими».¹³

Следует сказать несколько слов о дочери актера Оффена и ее муже, Луи (Леоне) Монготье, который состоял во французской оперной труппе с 1791 года. Сама прабабушка поэта, которую возможно звали Юлиана, находилась во французской придворной труппе в Петербурге с 1787 года, то есть родилась еще до переезда Оффена в Россию. В «Дневнике» Кузмина 1934 года сохранился нелестный отзыв об этой паре: «У него была дочь, которую он решил отдать только за актера. В нее влюбился молодой эмигрант <...>, чтобы исполнить условие, он сделался актером, актером он был неважным. Но и дочь Оффена, кажется, неважная была актриса, но они поженились и, родив дочку, умерли очень молодыми. Фамилии эмигранта я не помню, что-то вроде Газье ле Монт, а может быть, и сочиняю. Девочка эта была моей бабушкой».¹⁴

В пятой строфе «Моих предков» автор переходит к описанию представительниц слабого пола, в которых нам так же хотелось бы узнать реальных прототипов из генеалогического древа поэта:

5)
вы — барышни в бандо,
с чувством играющие вальсы Маркалью,
вышивающие бисером кошельки
для женихов в далеких походах,
говеющие в домовых церквах
и гадающие на картах...

Вероятно, речь здесь идет о матери поэта, а также о ее сестрах — дочерях Дмитрия Федорова, инспектора Театрального училища, в раннем детстве живших в самом Театральном училище. Упоминающийся в этом отрывке французский композитор Гатьен Маркалью (1807–1855) жил в первой половине XIX века, и примерно в начале 1850-х годов его вальсы появились в России. Это время как раз приходится на юность Надежды Дмитриевны и ее сестер, родившихся в 1833, 1835 и 1836 годах (последняя, Екатерина — родилась в 1842). Любопытно упоминание прически, которое из-за ленты, которая перехватывала пышно расчесанные, крупно или мелко завитые волосы девушки, называлась «бандо». Мода на них распространилась в России немного раньше, в эпоху Николая I, но именно такие прически мы видим на женских фотопортретах и открытках последней четверти XIX века. Образ барышни в бандо, возможно,

сложился у Кузмина при знакомстве с семейным альбомом матери, где могли быть фотографии и ее сестер.

Согласно воспоминаниям Надежды Дмитриевны, в гостях у Федоровых бывали Н. В. Гоголь и Рафаил Зотов. Рафаил Михайлович Зотов (1796–1871) — драматург, писатель и театральный критик в 1826–1836 годах заведовал репертуаром русской драматической труппы. Но в воспоминаниях матери поэта эти крупные фигуры театрального мира предстают в неожиданно будничном ракурсе, что всегда отличало творчество Кузмина: «Помнит, что бывал у них “сочинитель” Гоголь. Девчонкам он не нравился — говорили, что рукава коротки, руки красные, одевался хотя и модно, как-то смешно... Не любили они еще Зотова (Рафаила), который приходился каким-то родственником, часто обедал, а после обеда заваливался спать на диване, на котором дети обыкновенно играли. Воображали его то пароходом, то островом, то чем».¹⁵

Училась Надежда Дмитриевна в пансионе в доме архитектора Н. Л. Бенуа (угол ул. Глинки и Екатерингофского пр.): «Когда они выезжали, Анна Дмитриевна выделялась как более хорошенькая, Лизавета Дмитриевна как самая бойкая и покладистая, а мать сидела в углу. Она была очень маленького роста, гладкие черные блестящие, как у китайки, волосы, белое лицо с ярким румянцем и темно-серые глаза, от волнения наливавшиеся невообразимой и сверкающей синевой, несколько нахмуренные брови. Ходила до конца жизни в кофтах и платьях 60-х годов или вообще безвременных старушечьих облачениях. С молодую-то, вероятно, следила за модой».¹⁶

Дневник Кузмина 1934 года содержит семейные тайны и предположения, мало чем отличающиеся от сплетен: «Ухаживал за нею какой-то юноша по имени Валерьян и посватался. К тете Ане. Бабушка его прогнала, а маму выдала замуж за пожилого знакомого, даже, кажется, своего любовника, А. А. Кузмина. Мама считала его “стариком”, но пошла. С тех пор более или менее веселая жизнь кончилась. Папе были скучны девческие и идиллические развлечения мамы, пошли дети, переезды с места на место (Москва, Рыбинск, Ярославль, Саратов), а когда положение поправилось, уже молодость ушла. Уже в 80-м году она заразилась от Мити оспой и осталась рябой... После смерти папы ей стало вольней, тогда ей было года 54. Она очень любила читать романы и ходить пешком, до самой смерти».¹⁷

Если знать, что Алексей Алексеевич умер в 1885 году, то год рождения его 54-х летней вдовы должен быть 1831-й. Но по имеющимся сведениям метрических записей Надежда Дмитриевна родилась 27 марта 1833 года и значит осталась без мужа в возрасте 52 лет. Умерла она в Петербурге в ноябре 1904 года, на 72-м году жизни.

б)

экономные, умные помещицы,
хвастающие своими запасами,
умеющие простить и оборвать
и близко подойти к человеку,
насмешливые и набожные,
встающие раньше зари зимою...

Эту строфа привязана к отцовской линии родственников Кузмина. Вологодско-ярославским корням поэта посвящена статья Е. В. Евдокимова. Вот небольшой фрагмент из нее: «А. А. Кузмин — уроженец Ярославской губернии, здесь находились поместья его родителей. Дед Михаила Кузмина, майор Алексей Васильевич Кузмин, — участник Ярославского ополчения Отечественной войны 1812 года (командовал батальоном 1-го пехотного казачьего полка). Он владел поместьями в Рыбинском (деревни Бабино и Овсянниково) и Пошехонском (село Горки с деревнями) уездах Ярославской губернии, а также в Вологодской губернии (деревня Юрятино). Алексей Васильевич был женат на Хионе Ивановне, урожденной Ендогуровой. Ее отец Иван Николаевич Ендогуров — прадед Михаила Кузмина — губернский прокурор Вологодского наместничества, в 1793 году приобрел к своим вологодским имениям земли в соседнем Пошехонском уезде Ярославской губернии. В 1805–1808 годы И. Н. Ендогуров служил в должности пошехонского уездного предводителя дворянства, тогда же А. В. Кузмин был пошехонским уездным судьей и на время продолжительной болезни тестя замещал его по службе. Когда они породнились, Ендогуров отдал в приданое за дочерью Хионой Ярославской губернии Пошехонского уезда сельца Мытникова с деревнями — 39 душ. Вологодской губернии Кадниковского уезда в разных деревнях — 103 души.¹⁸ Изображенная в стихотворении помещица, возможно, бабушка Хиона Ивановна, о которой у поэта могли быть только самые общие представления. Но, скорее всего, это просто собирательный образ представительниц

семей Кузминых-Ендогуровых, живших скромной жизнью провинциальных мелкопоместных дворян.

7)
и прелестно-глупые цветы театральных училищ,
преданные с детства искусству танцев,
нежно развратные,
чисто порочные,
разоряющие мужа на платья
и выдающие своих детей полчаса в сутки...

В этой строфе мы снова наблюдаем возвращение к театральной жизни, а значит — к предкам поэта по линии матери, потомкам французского актера Офрениа. В «Дневнике» Кузмина 1934 года сохранились некоторые черты его бабушки, Екатерины Львовны: «Она воспитывалась в Театральном училище и жила у тетки (Шефревиль, Шеврфейль), играла амура в балетах, но, не кончивши курса, вышла замуж за инспектора классов Федорова чуть не 16-ти лет. Кажется, была веселого и ветреного характера, особенно овдовев. Имела 4-х детей — сына Якова и трех девочек: Анну, Надежду и Елизавету».¹⁹ По сведениям издателей «Записок» П. А. Каратыгина, Екатерина Львовна Монготье — «артистка СПб. драм<атической> труппы на ролях субреток, внучка франц. актера Офрениа, оконч<ила> СПб. Театр<альное> уч<илище>; с 1832 года замужем за управл<яющим> Театр<альным> уч<илищем> Д. Я. Федоровым».²⁰

И снова наблюдательный автор «Моих предков» добавляет в словесный портрет своей бабушки одну деталь: «...выдающие своих детей полчаса в сутки». А в дневнике 1934 года это записано так: «Бабушку видели только по утрам. Она принимала их в кровати, осматривала, чисты ли руки, в порядке ли прическа и платье, спрашивала, как здоровье и занятия, и потом целый день они ее не видели».²¹ Другой штрих к ее портрету: «У моего отца до сватовства к матери был роман, по-моему, с бабушкой. Говорят, это была красавица, но про каких бабушек этого не говорят, на детях ее это не отразилось, во всяком случае».

Упомянувшийся прежде Р. М. Зотов оставил «Записки», опубликованные в журнале «Исторический вестник» в 1896 году, в которых он выступает защитником красоты Екатерины Львовны:

Другой сослуживец был Дмитрий Николаевич (?) Федоров, инспектор театральной школы. Он женился на воспитаннице Монготье, которая долго обворожала всех своею красотою, и сделал много полезного для школы, которая после него пришла в совершенный упадок.

И в другом издании (Театральные воспоминания. Автобиографические записки Р. Зотова. СПб., 1859 г. С.103): «Управляющим школою был Д. Н. Федоров, женившийся на прелестной актрисе Монготье.²²

Вернемся ко второй строфе разбираемого стихотворения — о франтах 30-х годов, то есть 1830-х... По возрасту это поколение отца поэта, но сыновья майора Алексея Васильевича Кузмина были офицерами, к тому же — из Ярославской губернии, что как-то совсем не совместимо с подражанием «д'Орсе и Брюммелю». По сохранившимся портретам французского модника графа Альфреда д'Орсе (1801–1852) и английского денди Джорджа Браммела²³ (1778–1840) мы догадываемся, что неизвестного следует искать в театральных кругах. Таковым оказывается дед поэта по матери, надворный советник Дмитрий Яковлевич Федоров, о котором мы знаем только, что он был инспектором Императорского Театрального училища, в котором училась его будущая супруга, молоденькая и ветреная Екатерина Львовна Монготье. Примечательно, что в метрических записях его невеста обозначена как дочь умершего актера Людвиг Монготье; в других источниках везде читаем — «Леон». Итак, подражателем европейских законодателей мод, единственно подходящий по возрасту и роду занятий, одним из героев стихотворения «Мои предки» становится надворный советник Федоров, отец сына Якова и четырех дочерей, одна из которых стала матерью писателя. Но эта находка пока представляется нам только возможным вариантом ответа, который неплохо было бы подкрепить дополнительными сведениями о Дмитрие Яковлевиче.

Последняя строфа первой части стихотворения «Мои предки» завершается общим обзором, удаляющим нас от конкретных лиц и судеб:

8)

и дальше, вдали — дворяне глухих уездов,
какие-нибудь строгие бояре,
бежавшие от революции французы,
не сумевшие взойти на гильотину —

Итак, великолепный ряд предков поэта в стихотворении сменяется широкими мазками, где трудно различить конкретных людей, и где следовало бы рассказывать о самых ранних представителях родов Кузминых и Ендогуровых, происхождение которых связано с историей средних веков. По крайней мере, фамилия Ендогуровых отсылает нас в те времена, когда московские великие князья брали под свою защиту представителей татарских орд, а те в свою очередь принимали христианскую веру, женились, получали земельные наделы и вливались в ряды многочисленных помещиков Новгородских пятин и прилегающих к ним земель.

В своем очерке об «Александрйских песнях» Максимилиан Волошин признается: «Мне хотелось бы восстановить подробности биографии Кузмина — там, в Александрии, когда он жил своей настоящей жизнью в этой радостной Греции времен упадка, так напоминающей Италию восемнадцатого века. Подобно лирику Мелеагру — розе древней Аттики, затерявшейся в хаосе александрийской антологии, Кузмин несет в своих песнях цветы истинной античной поэзии, хотя сквозь них и сквозит александрийское рококо. В жилах его не было чистой эллинской крови. Вероятно, он, как и Мелеагр, был сирийцем. По крайней мере в одном месте он вспоминает о “родной Азии и Никомедии”».²⁴

Действительно, многим, кто впервые видит портрет Михаила Кузмина работы Константина Сомова (1909), кажется, что изображенный на портрете — совсем не русской крови. И многие современники, вслед за Волошиным, отмечают его нерусскую внешность. Но, как пишет крупнейший исследователь жизни и творчества поэта Н. А. Богомолов, «не было в биографии Кузмина ни еврейства, ни (как писали другие авторы) ассирийского происхождения».²⁵ По итогам совместной работы разных исследователей складывается родословное древо, которое дает нам вполне ясное представление о том, что по линии матери, помимо французов, в роду поэта были Федоровы (к сожалению, мы пока не располагаем сведениями о предках инспектора Театрального училища, вероятно — дворянах). В отцовских же корнях заметно преобладание вологодско-ярославских фамилий Кузминых, Ендогуровых и Вельяшевых, вероятнее всего — татарского происхождения. Таковых, например, в Новгородских пятинах было не меньше, чем исконно русских родов. Та-

ким образом, в Кузмине перемешалось множество кровей и культур, лиц, судеб, которые, как признается автор «Моих предков»:

все вы, все вы —
вы молчали ваш долгий век,
и вот вы кричите сотнями голосов,
погибшие, но живые,
во мне: последнем, бедном,
но имеющем язык за вас,
и каждая капля крови
близка вам, слышит вас,
любит вас;
и вот все вы:
милые, глупые, трогательные, близкие,
благословляетесь мною
за ваше молчаливое благословенье.

¹ Цит. по: Кузмин М. Стихотворения / Сост., подгот. текста и примеч. Н. А. Богомолова. СПб., 1996. С. 57–58. (Сер. «Новая библиотека поэта»).

² Кузмин М. А. Дневник 1905–1907 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000. С. 267.

³ Общий морской список. Часть. X. СПб., 1898. С. 479.

⁴ Из записок генерал-лейтенанта Павла Алексеевича Кузмина // Русская Старина. 1895. Февраль. С. 155.

⁵ Там же.

⁶ Евдокимов Е. В. «В скромном родительском доме...» Ранняя биография М. А. Кузмина в документах (1872–1891) // Михаил Кузмин. Литературная судьба и художественная среда / Под ред. П. В. Дмитриева и А. В. Лаврова. СПб., 2015. С. 178.

⁷ Кузмин М. Дневник 1934 года / Под ред., со вступ. ст. и примеч. Глеба Морева. СПб., 2011. С. 56.

⁸ Энциклопедический словарь. СПб.: Типография Акционерного Общества «Издательское дело», Брокгауз-Ефрон, 1897. Т. 20 а. С. 490.

⁹ Жихарев С. П. Записки современника / Ред., статьи и коммент. Б. М. Эйхенбаума. М.; Л., 1955. С. 34. (Сер. «Литературные памятники»).

¹⁰ Там же. С. 472.

¹¹ Там же. С. 529.

¹² Там же. С. 581.

¹³ Эйхенбаум Б. М. Обзор театрального материала в «Записках» Жихарева // Жихарев С. П. Указ. соч. С. 670.

¹⁴ Кузмин М. Дневник 1934 года. С. 56.

¹⁵ Там же. С. 58.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Евдокимов Е. В. Указ. соч. С. 175.

¹⁹ Кузмин М. Дневник 1934 года. С. 56.

²⁰ Каратыгин П. А. Записки. В 2 т. / Новое издание по рукописи под редакцией Б. В. Казанского. При участии Ю. А. Нелидова, Ю. Г. Оксмана и Н. С. Цемша. Л.: Academia, 1929–1930. Т. 2. С. 464 (ук. имен).

²¹ Кузмин М. Дневник 1934 года. С. 57–58.

²² Записки Р. М. Зотова // Исторический вестник. 1896. Август. С. 308.

²³ Кузмин и в стихах, и в своем предисловии к книге Барбе д'Оревилли «Дендизм и Жорж Брюммель», выпущенной московским издательством «Альциона» в 1912, называет его имя во французской огласовке.

²⁴ Волошин Максимилиан. Лики творчества / Изд. подготовили В. А. Мануйлов, В. П. Купченко, А. В. Лавров. Л., 1988. С. 473.

²⁵ Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: статьи и материалы. М., 1995. С. 12.